

Воздух перед ним едва заметно всколыхнулся от прилива духовной энергии — Чу Вэй почувствовал, что рядом кто-то стоит.

Пусть Шифу и оставался невидимым, юноша точно знал: Шифу здесь. И наверняка сердито хмурится, взирая на своего непутёвого ученика.

Чу Вэй повернул голову и беззвучно шевельнул губами, так и не решившись заговорить вслух. Вокруг толпились чужие люди, и ему совсем не хотелось выдавать присутствие Шифу.

Хуа Жун сдерживаться не стал. Всё равно его слова предназначались лишь одному ученику, поэтому отчитывал он парня знатно.

«Погляжу, крылья у тебя отросли? — бушевал Шифу. — Додумался же до такого! Сам себя искалечил ради сомнительной победы! Какое тебе дело до этих людей? Я растил тебя, тратил силы ради того, чтобы ты гробил себя из-за кучки ничтожеств, которые и ногтя твоего не стоят?! Каков гордец! Начертил талисманы собственной кровью! У тебя что, крови лишней прорва? Если девать некуда, пошёл бы да сдал в донорский пункт! Всё, чему я тебя учил, псам под хвост пошло?!»

На обратном пути Чу Вэй шёл угрюмый и молчаливый. Спутники решили, будто он до глубины души возмущён поведением односельчан, потому и не желает ни с кем разговаривать.

На самом же деле все эти километры над ухом не умолкал голос разгневанного Шифу. Ответить или возразить Чу Вэй не мог — кругом ведь были люди, — а потому лишь молча глотал обиду. На душе было и тошно, и горько, и вся эта буря чувств невольно отражалась на его лице.

Раз уж он хранил молчание, остальные тоже не смели подать голоса. Поочерёдно сменяя друг друга, мужчины тащили бесчувственного старосту и послушно брели следом.

Когда они наконец выбрались из чащи, на деревню уже опустилась глухая ночь. Однако повсюду горели огни: в каждом доме горел свет, и все жители с нетерпением ждали возвращения отряда.

У кромки леса дежурили часовые. Стоило им заметить приближающиеся силуэты, как один из них со всей силы ударил в медный гонг.

Резкий, оглушительный звон эхом покатился по окрестностям, мгновенно разбудив тишину.

Буквально через несколько минут у дома старосты яблоку негде было упасть — люди теснились на пороге, вытягивая шеи и пытаясь заглянуть во двор.

Среди толпы поползли зловещие слухи: поговаривали, староста без сознания, то ли жив, то ли

мёртв, а сам весь иссох и сморщился — точь-в-точь как покойный Лао Чжан перед смертью. От таких рассказов по спине пробежал холодок.

Однако ворота усадьбы заперли изнутри, никого не пуская во двор. Никто в деревне понятия не имел, что на самом деле произошло под сенью деревьев.

Люди ждали томительно долго. Наконец створки распахнулись, но прежде чем толпа хлынула внутрь, на пороге показался Чу Вэй. На его лице застыло мрачное, раздражённое выражение.

Случись подобное раньше, деревенские старики непременно принялись бы ворчать: мол, что за невоспитанный малец, идёт мимо старших и даже не поклонится.

Но теперь никто не смел смотреть на него как на обычного подростка. В глазах односельчан застыл благоговейный страх, которого они и сами до конца не осознавали.

Завидев юношу, толпа поспешно расступилась, послушно освобождая ему дорогу.

Один из старожилов — дряхлый старик, славившийся на всю округу скверным и вздорным нравом, которого обычно обходили десятой дорогой, чтобы случайно не ввязаться в неприятности, — сейчас выглядел растерянным. Этот вздорный старик, снедаемый тревогой, не решился повысить голос. Он натянул на лицо подобие кроткой улыбки и спросил на удивление мягко:

— Чу Вэй, сынок, как там староста? Живой?

Вопрос повис в воздухе. Десятки пристальных взглядов скрестились на юноше.

Чу Вэй, словно и не заметив этого безмолвного давления, упрямо продолжал шагать вперёд.

В толпе нарастала паника. Неужели староста и впрямь... всё?

У самого края площади, когда его силуэт уже готов был скрыться в темноте переулка, Чу Вэй резко остановился и слегка обернулся.

Люди затаили дыхание в ожидании приговора. Однако Чу Вэй лишь прижал ладонь к груди, негромко кашлянул, а затем раздражённым жестом взъерошил волосы.

— Не вздумайте будить меня, я спать хочу, — буркнул он недовольно.

И, не добавив больше ни слова, скрылся во мраке.

Селяне растерянно переглядывались. Что это вообще значило? Справился он с нечистью или нет?

Вновь скрипнули ворота усадьбы старосты. На этот раз из них вышел Чэн Даню — понурый, с опущенной головой.

Даню не обладал авторитетом Чу Вэй, поэтому его тут же бесцеремонно взяли в кольцо. Десятки голосов наперебой принялись расспрашивать о состоянии старосты.

Парень едва держался на ногах от усталости. Он пробродил по лесу весь день, выбился из сил, и сейчас у него не было никакого желания пускаться в объяснения.

Вглядываясь в искажённые тревогой лица соседей, он понимал: они переживают вовсе не за старосту. Их волновали лишь собственные шкуры. Глухая злоба и раздражение поднялись в его груди.

Грубо растолкав обступивших его людей локтями, Даню зло огрызнулся:

— Живой он! Сказал же — не сдохнет!

Вырвавшись из толпы, он быстрым шагом направился к своему дому, даже не оборачиваясь на растерянные возгласы вслед.

Толпа облегчённо вздохнула. Напряжение спало. Раз уж староста, пострадавший больше всех, остался жив, значит, и им самим больше ничего не грозит? Охваченные собственными эгоистичными мыслями, люди начали медленно расходиться по домам.

Тем временем в своей комнате Чу Вэй послушно стоял лицом к стене. Настало время нести ответ за содеянное.

В полумраке за его спиной соткался едва различимый, призрачный силуэт. Очертания принадлежали высокому мужчине в одеяниях с широкими рукавами. Статная фигура, длинные, до самой поясицы, волосы, свободно струящиеся по спине... Но даже в этом полупрозрачном облике угадывалась властная, суровая аура.

«Осознал ли ты свою ошибку?»

Хуа Жун до сих пор едва сдерживал гнев. И когда только в этом мальчишке проснулся такой дурацкий порыв к самопожертвованию?

Чу Вэй упрямо кусал губы, уставившись в стену. На душе скребли кошки. Шифу никогда не разговаривал с ним в таком тоне. Прежде он бывал строг, но чтобы так безжалостно распекать, да ещё и всю дорогу до дома... Юноше было невыносимо обидно.

Грудь сдавило тупой болью, в горле запершило. Не выдержав, Чу Вэй тихонько, стараясь не шуметь, кашлянул в кулак, пытаясь унять спазм в повреждённых лёгких.

Услышав этот приглушённый кашель, Хуа Жун мгновенно осёкся.

Вид понурого ученика, который безропотно сносил выговор и даже кашлял крадучись, заставил сердце Шифу сжаться. Злость мешалась с щемящей жалостью. Хуа Жун всегда отличался исключительным покровительством к своим. Этого мальчишку он вырастил сам, вложив в него всю душу, и как бы сильно ни гневался, долго злиться на своего воспитанника просто не мог. Помолчав немного, он тихо вздохнул. Гнев окончательно улетучился.

«Разве нельзя было сначала заняться ранами, а уже потом выслушивать нотации?» — раздался в его голове уже заметно помягчевший голос Шифу.

Чу Вэй обиженно шмыгнул носом и пробурчал под нос:

— Вы сами велели мне здесь стоять...

И тут же снова закашлялся.

Хуа Жун только сокрушённо вздохнул.

«Живо на кровать. Садись в позу лотоса и восстанавливай дыхание. Вот поправишься — тогда и договорим»

Чу Вэй послушно угукнул и не торопясь повернулся. В это мгновение прямо перед ним соткался величественный, пускай и размытый силуэт наставника. Он приободрился, стремясь получше разглядеть Шифу, но тот не дал ему времени: призрачные очертания растаяли без следа.

Чу Вэй прикрыл глаза, запечатлевая этот мимолётный образ в памяти.

«Если я буду стараться сильнее, тренироваться день и ночь, то обязательно смогу увидеть, как выглядит Шифу...»

Эта мысль мигом прогнала остатки обиды. Чу Вэй живо забрался на кровать, скрестил ноги и принялся послушно циркулировать духовную энергию, исцеляя израненные меридианы по древней методике Шифу.

Время пролетело незаметно. Чу Вэй просидел в глубокой медитации до самого утра. Лишь когда первые робкие лучи солнца пробились сквозь запылённое стекло, он медленно открыл глаза и сделал глубокий выдох. В груди всё ещё слабо ныло, но былая жгучая боль отступила, дышать стало намного легче. Ещё пара дней таких тренировок — и от вчерашних травм не останется и следа.

Чувствуя небывалый прилив сил, Чу Вэй поднялся с постели и решил приготовить скромный завтрак.

В простеньком дворике, под раскидистой кроной старого дерева, сидел дедушка. Он неторопливо хлебал жидкую кашу, наслаждаясь утренней прохладой.

Чу Вэй хотел было поздороваться, но краем глаза уловил какое-то движение у калитки. За низким забором то и дело мелькали чужие макушки. Гадать не приходилось — вчерашние визитёры караулили его с самого рассвета.

Юноша раскрыл ладонь. Некогда чистая, прозрачная кристальная сфера теперь сделалась чернее сажи. Внутри клубился непроглядный мрак, а пленённые души яростно бились об импровизированные оковы, тщетно пытаясь вырваться на свободу. Сквозь мутное стекло проступали искажённые гримасами ярости призрачные лики, готовые, казалось, поглотить любого, кто осмелится приблизиться.

Чу Вэй сжал кулак, и сфера мгновенно растворилась в воздухе.

Проигнорировав любопытных зевак, он быстро умылся, налил себе порцию каши и устроился на скамье рядом с дедом.

Сколько Чу Вэй себя помнил, они всегда жили вдвоём. Дедушка в одиночку вырастил и воспитал его. После Шифу этот старик оставался самым близким и дорогим для него человеком на всём белом свете.

Воспоминаний о раннем детстве у парня почти не сохранилось. Незадолго до того, как повстречал Шифу, он сильно покатился с крутого склона и расшиб голову, начисто стерев прошлое. Настоящая жизнь для него началась именно здесь, в этой глухой деревушке.

Его родители давно уехали на заработки в большой город. Домой они заглядывали лишь на праздники, привозя немного денег, а в остальное время Чу Вэй их практически не видел. В деревне телефон имелся разве что на кассе единственной лавки у дороги, так что созванивались они редко, только по крайней необходимости. Брошенных на стариков детей здесь хватало, поэтому Чу Вэй никогда не считал себя обделённым.

Но теперь... дедушкины дни на этом свете были сочтены.

Чу Вэй медленно водил ложкой по дну чашки. Помолчав, он негромко спросил:

— Дедушка... ты помнишь пожар у Ван Минго? Тот самый, больше двадцати лет назад?

Старик хоть и был глуховат от старости, но вопрос расслышал отчётливо. Похоже, до него уже долетели вчерашние слухи. Дед медленно положил палочки на край миски, тяжело вздохнул и уставился немигающим взглядом куда-то вдаль.

— Грех это, — прошептал он надтреснутым голосом. — Страшный грех...

Чу Вэй молча доел кашу, чувствуя, как на сердце ложится тяжёлый камень.

— Хоть я сам рук не прикладывал, — неторопливо продолжил дед, — но ведь и не остановил никого. Молчал. А молчание в таком деле — то же соучастие.

Чу Вэй вскинул голову, в его глазах промелькнула надежда:

— Так ты... не грабил их?

Старик покачал головой:

— Тебя тогда и на свете-то не было. Бабушка твоя ещё жива была, да хворала сильно. Родители твои в городе спину гнули, а я от её постели ни на шаг отойти не мог. Какие уж там сокровища делить... Да и посуди сам: разве краденое впрок пойдёт? Лёгкие деньги без труда — всегда к большой беде.

И беда не заставила себя ждать.

Дедушка до сих пор помнил, как той страшной ночью стоял у окна. Через реку, прямо напротив их дома, бушевало багровое пламя, освещая небо над всей деревней. На душе тогда было тоскливо и жутко. С тех пор он почти перестал выходить со двора.

— Людская алчность не знает границ, — тихо пробормотал старик. — Стоит поманить наживой, и человек вмиг превращается в зверя.

Выслушав неторопливый рассказ, Чу Вэй почувствовал, как с души свалился огромный груз. Он быстро прибрал посуду на кухне и, предупредив деда, направился к выходу.

Старик проводил его долгим, тревожным взглядом.

— Береги себя, сынок, — тихо напутствовал он. — И возвращайся поскорее.

— Не волнуйся, дедушка, я скоро, — отозвался Чу Вэй.

Стоило ему распахнуть калитку, как на него уставилась толпа зевак. После вчерашнего предупреждения никто не осмелился ломиться в дом, но дежурить у забора им это не помешало.

Впереди всех стоял старший сын старосты, примчавшийся в деревню ночным рейсом. Одет он был совершенно не по-деревенски: несмотря на июльскую жару, на нём красовались отутюженная белая рубашка и строгие чёрные брюки. Каждая деталь его облика так и кричала о статусе лощёного городского интеллигента. Из-за долгого ожидания на его лице читалось явное раздражение.

Окинув Чу Вэя пренебрежительным взглядом, мужчина с сомнением процедил:

— Так это про него вы талдычили? Наш великий спаситель с тайными силами — вот этот сопляк?

<http://bllate.org/book/19040/1917887>